

Мясницкий Иван Ильич

Бес-девка и другие рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Бес-девка и другие рассказы / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 285 с.

ISBN 978-5-519-98458-4

Содержание: Бес-девка; Вечер; Петр Петрович; В жару; Клубника поспела; Последняя ночь; В Нижний; С левой ноги FB F 196/120 MFK 801-16/613

ISBN 978-5-519-98458-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

питой шелками, съ узкимъ воротомъ, застегнутымъ на двѣ жемчужины, бросился на пуховики съ радостнымъ вздохомъ человека, достигшаго, наконецъ, желанной цѣли.

Ерошка, приземистый мужчина съ рѣденькою бородкой и выдавшимися впередъ скулами, раболѣпно стоялъ предъ бояриномъ, наклонивъ щедро намавленную голову и ожидая приказаній.

Бояринъ, возлегшій-было на чресла, повернулся вдругъ на бокъ и закрылъ глаза.

Ерошка, не слыша боярскихъ словесъ, приподнялъ голову и сталъ отступать, не оборачиваясь и не сводя съ боярина взгляда, къ двери.

— Ерошка! — раздался зычный голосъ Кощеева, когда тотъ былъ уже почти у самыхъ дверей.

— Здѣсь, осударь! — очутился Ерошка у ложа боярина.

— Жужжить!

Ерошка оглянулся, скользнулъ быстрымъ взглядомъ по изголовью, открытому пологу и бросился къ слюдяному оконцу, о которое билась, жужжа, муха.

— Изымалъ, осударь! — доложилъ онъ, растирая насѣкомое перстами.

— Изымалъ. Впускать не нужно было...

— Не досмотрѣли, осударь...

— За недосмотры ваши спины въ отвѣтъ... Пшелъ!

Ерошка вылетѣлъ въ сѣнцы, осторожно притворилъ за собою дверь и, нагнувшись, сталъ прислушиваться. Не прошло и двухъ минутъ, какъ въ повалушѣ раздался богатырскій храпъ боярина.

Ерошка вздохнулъ, выпрямился и не спѣша спустился съ крыльца на дворъ, гдѣ снова людишки по всѣмъ направленіямъ.

— Саввушка, — окликнулъ онъ чернаго какъ жукъ стремяннаго, который уже спускался въ подклѣти.

Стремянной остановился.

— Что это съ бояриномъ понѣ? Али что въ царской думѣ вышло?

— Не слышать. А что, дяденька?

— Не въ себѣ. Въ сердцахъ вернулся. Обѣдалъ—сопѣлъ, на покой отошелъ—на муху разгнѣвался...

— Проспится! — махнулъ рукой тотъ. — Не впервой, чай, ему на всякую тварь гнѣвать—

ся... такое ужъ дѣло боярское, чтобъ у смердовъ вины искать... Досталось, дяденька Филиппычъ? — полюбопытствовалъ стремянной.

— Благодареніе Владычицѣ Одигитріи, безъ взыску гроза прошла... а по вечеру, — потомъ сообщилъ стремянному ключникъ, — съ пьяныхъ глазъ такъ Вавилку по затылку двинулъ, ажъ руда носомъ засвистала... И нонѣ лежитъ, главы подъять не можетъ.

— Слыхалъ, — съ сочувствіемъ стозвался стремянной. — Знатно пить началъ бояринъ.

— Охъ, знатно, Саввушка! — сокрушенно вздохнулъ ключникъ. — И ежедень въ зеліи разумъ утопляетъ... Завелъ это округъ себя бражниковъ: толстобрюхаго Троскурова, подлипалу Незамаева, да князька распутнаго, Отраду-Закромина... да другъ къ дружкѣ ежедень и ѣздить... И съ чего бы это съ нимъ?

— Съ тоски-кручины, дяденька Филиппычъ... По покойной боярынь тоскуетъ.

— По какой, Саввушка? Двѣ вѣдь у него боярыни было... съ одной шесть лѣтъ прожилъ и схоронилъ бездѣтной, а съ другой — четыре.

— Знамо, по послѣдней. Обо всѣхъ покойницахъ ежели тосковать, такъ и тоски не хватить,—хихикнулъ стремянной, заламывая шапку на ухо,— всѣхъ бабъ на бѣломъ свѣтѣ не обжалѣешь.

— Жениться бы ему, Саввушка, можетъ, и бросилъ бы гульбу да бражничество.

— Слыхалъ я отъ троекуровскихъ холопей, больно ихній баринъ окружить нашего старанія прилагаетъ.

— На комъ же, Саввушка?

— На Настасьѣ, своей дщери единоутробной.

— Вотъ они какія дѣла-то!—развелъ въ изумленіи ключникъ руками.—Хитрая лиса бояринъ Троекуровъ... обойдетъ нашего.

— Трудно, дяденька, обойти, вельми даже трудновато... Засиженная дѣвка Настасья-то Троекурова... двадцать осьмую весну, вишь, пережила.

— И нашъ бояринъ не молодъ. Слава Тебѣ, Зиждителю, съ вешняго Миколы на пятый десятокъ перевалило.

— Много ль перевалило-то: всего ничего... Не обойти Троекурову нашего.

— Собою-то она какъ сказываютъ? Дѣвка-то троекуровская?

— Разно. Да у ихнихъ холопей рази правды-матки достукаешься? Не такой народъ, весь въ своего боярина.

— Охъ, не доберешься, Саввушка, знаю я троекуровскихъ холопей... а все жъ ладнѣе было бы вѣнецъ ему пріять.

Солнце садилось за золотыя маковки церквей, когда проснулся бояринъ Комаръ-Кощеевъ.

Открывъ глаза, онъ долго смотрѣлъ на карнизъ повалуши, изукрашенный рѣзьбою, точно ища тамъ причину своей тоски, и наконецъ крикнулъ:

— Эй, квасу!..

Не прошло и минуты, какъ въ отворенную настежь дверь вошелъ ключникъ Ерошка, державшій на широкомъ серебряномъ блюдѣ жбанъ квасу и стопку съ золочеными орлами, подарокъ Тишайшаго царя за боярскія заслуги. Слѣдомъ за Ерошкой, ступая на цыпкахъ, тѣнью скользилъ одинъ изъ холопей. На плечѣ у него висѣлъ бѣлоснѣжный рушникъ, а въ рукахъ колебался тазъ съ кувшиномъ, наполнен-

нымъ до самыхъ верхнихъ краевъ студеной водой.

Бояринъ приподнялся съ пуховиковъ, поскребъ правой дланью темно-русые кудри, въ которыхъ мѣстами уже блестѣли серебряныя нити, и поднялъ свои карія, заспанные на Ерошку, не сводившаго съ боярина своего рабскаго, песьяго взгляда.

— Ну!—проговорилъ бояринъ охрипшимъ отъ сна голосомъ.

Ерошка мигомъ наполнилъ стопку пѣнистымъ квасомъ и поднесъ блюдо съ самому носу боярина.

Кощеевъ выпилъ, отдуваясь и охая, залпомъ двѣ стопки и отпихнулъ Ерошку.

Пофыркавъ затѣмъ у таза, онъ причесалъ свои кудри у зеркальца, вправленнаго въ стѣну, и задернулъ его тафтяной занавѣской.

— Оксюпа гдѣ?—спросилъ онъ у Ерошки, потягивая на плечи кафтанъ и набрасывая небрежно на голову ермолку, расшитую жемчугами.

— Въ саду, осударь, съ мамкою гуляетъ.

— Фу-у!—отдулся бояринъ и погладилъ свою бороду.—Пословъ не было?

— Не было, осударь, ни отъ единой души не было...

— Ну, я того... въ садъ... Оксюшку провѣдать...

Бояринъ сошелъ внизъ и, пройдя дворъ, очутился въ саду, огороженномъ высокимъ бревенчатымъ тыномъ съ заостренными вер-
хами.

Садъ, какъ и всѣ сады боярскіе того времени, былъ обширенъ и изобиловалъ всевозможными фруктовыми деревьями и ягоднымъ кустарникомъ. И цвѣтовъ было въ изобилии, но росли они безъ всякой системы и группировки, гдѣ попало и какъ попало.

Бояринъ, держась тѣни, выбралъ узенькую дорожку, змѣйкой извивавшуюся между деревьями вдоль тына, и, дойдя до маленькаго прудика, въ который забултыхали испуганныя лягушки, присѣлъ на скамейку подъ развѣсистой липой.

Справа отъ него высился тынъ, заросшій крапивой и гигантскими лопухами, слѣва—зеленѣли яблочныя деревья, отягченныя плодами и подпертыя рогулями, а прямо, за прудикомъ, темнѣла непроходимая ча-

ща малинника, въ которомъ пропадала дорожка, огибавшая прудокъ.

Бояринъ вздохнулъ во всю мочь своихъ богатырскихъ легкихъ и, откинувшись на спинку скамейки, сталъ смотрѣть на круги, расплывшіеся по пруду...

„Гдѣ же Оксюша?“ подумалъ онъ, прислушиваясь къ неяснымъ голосамъ, доносившимся издалека до его слуха: „должно, на той сторонѣ сада цвѣточки рветъ... вскричать рази ей?“

Бояринъ хотѣлъ уже привести въ исполненіе свое намѣреніе, какъ въ малиникѣ вдругъ раздалась пѣсня.

У меня лп, сиротинушки,
Нѣтъ ни батюшки, нѣтъ ни матушки,
Нѣтъ сердешнаго дружка, нѣтъ заступника...

Пѣлъ кто-то сочнымъ, свѣжимъ, словно серебромъ звенящимъ, голосомъ.

— Ишь ты!—воззрился съ любопытствомъ бояринъ на малиникъ:—кто бы это малиновкой-то... ладно поетъ... ахъ, ладно!..

А пѣсника росла и подвигалась къ пруду... слышенъ уже былъ трескъ кустовъ малинника.

Я пойду ли, сиротинушка,
На могилу къ родной матушкѣ,
Всю тоску ей свою выскажу,
Всю слезу ей свою выплачу...
Ужъ ты, матушка родимая,
Слышишь ли ты дочь любимую...

разливался голосъ по чистому воздуху.

— Соловушка! Охъ, соловушка! — пробормоталъ бояринъ, привставая со скамейки.

Въ эту минуту изъ малинника, съ миской, до верху наполненной малиной, вышла высокая, статная дѣвушка въ голубомъ сарафанѣ и стала огибать прудокъ, идя прямо къ боярину.

— Знатная дѣвка... — пробормоталъ Кашеевъ, смотря во всѣ глаза на темнорусую головку дѣвушки, съ которой двумя толстыми жгутами сползали на спину длинныя косы.

Дѣвушка шла... не замѣчая боярина, и только, когда уже поровнялась со скамейкой, на которой онъ сидѣлъ, она испуганно раскрыла свои большіе, темные глаза и, вскрикнувъ отъ неожиданной встрѣчи, бросилась бѣжать.

— Стой!— загремѣлъ ей вслѣдъ голосъ боярина.

Пѣвунья остановилась, какъ вкопанная.

— Подъ сюда. . ну?

Дѣвушка, откинувъ назадъ голову, подошла къ Кашееву и поклонилась въ поясъ.

Бояринъ посмотрѣлъ на красныя, пухлыя губки пѣвуньи, на румянецъ, бѣгавшій по ея щечкамъ, и чмокнулъ.

— Чья будешь?

— Вашей милости, бояринъ, сѣнная дѣвушка,—отвѣтила та съ поклономъ.

— Впервые вижу... и сколько ихъ у меня, о томъ не вѣдаю.

Онъ окинулъ снова критическимъ взглядомъ ея изящную фигурку и встрѣтился съ лукавымъ взглядомъ черныхъ глазъ, смотрѣвшихъ на него безъ всякаго смущенія и раболѣпства.

Бояринъ потушился и спросилъ:

— Родомъ чья?

— А я, бояринъ, внучка мамки вашей Федосѣевны... а батюшка покойный въ конюшихъ твоей милости служилъ... А кличутъ меня Ольгушкой.